

ЕЩЕ РАЗ О КАРЕТЕ С ГВОЗДЯМИ У НЕКРАСОВА (ОТ «НА УЛИЦЕ» К «О ПОГОДЕ»)

Чжан Юйтин, М.С. Макеев

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; yuting.mikhail@gmail.com; mmakeev@icloud.com*

Аннотация: В статье прослеживается трансформация в творчестве Н.А. Некрасова образа кареты, запятки которой утыканы гвоздями, от стихотворения «Карета» и его ранних редакций до фрагмента из цикла «О погоде». Анализируются причины исключения стихотворения «Карета» из цикла «На улице», в состав которого это произведение было включено в рукописи. Показано, что Некрасов не только стремился избавить текст от чрезмерного мелодраматизма, но и изменил владельца экипажа: если в стихотворении «Карета» им был писатель-филантроп, то в «О погоде» им становится читатель филантропической «гуманной» литературы.

Ключевые слова: русская поэзия второй половины XIX века; Н.А. Некрасов; «Карета»; «О погоде»; цикл «На улице»

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2026-49-01-10

Для цитирования: Чжан Юйтин, Макеев М.С. Еще раз о карете с гвоздями у Некрасова (от «На улице» к «О погоде») // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2026. № 1. С. 132–141.

ONCE AGAIN ABOUT NEKRASOV'S CARRIAGE WITH NAILS (FROM "ON THE STREET" TO "ON WEATHER")

Zhang Yuting, Mikhail S. Makeev

*Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; yuting.mikhail@gmail.com;
mmakeev@icloud.com*

Abstract: The article traces the transformation of the image of a carriage with nail-studded heels in the works of N.A. Nekrasov, from the poem “The Carriage” and its early versions to a fragment from the cycle “On Weather”. The reasons for excluding the poem “The Carriage” from the cycle “On Weather”, in which this work was included in the manuscript, are analyzed. It is shown that Nekrasov not only sought to rid the text of persistent melodrama, but also changed the owner of the carriage: in the poem “The Carriage” it was a writer-philanthropist, whereas in “On Weather” it is a reader of philanthropic “humanitarian” literature.

Keywords: Russian poetry of the second half of the 19th century; N.A. Nekrasov; “The Carriage”; “On Weather”; the cycle “On the Street”

For citation: Zhang Yuting, Makeev M.S. (2026) Once Again About the Carriage with Nails in Nekrasov (from “On the Street” to “On Weather”). *Lomonosov Philology Journal. Series 9. no. 1*, pp. 132–141.

Образ кареты, запятки которой утыканы гвоздями, сыграл особую роль в формировании репутации Некрасова. В печати этот образ впервые появился в составе третьей главы («Сумерки») первой части цикла «О погоде», написанной в январе — марте 1859 г. и опубликованной в № 3 «Современника» за этот год. Крайне недоброжелательно настроенный по отношению к поэзии и личности Некрасова А.А. Фет в своих мемуарах сообщил, что видел самого Некрасова едущим в таком экипаже [Фет 1890]. Благодаря популярной статье К.И. Чуковского «Поэт и палач» этот образ стал символом «двуличия» Некрасова, его «двойственности» как человека и поэта (см.: [Чуковский 1926]). И сейчас он занимает почетное место в популярных статьях о Некрасове, разоблачающих его, привлекает внимание и ученых, выявляющих те следы, которые эта карета оставила в творчестве других поэтов (см., например: [Успенский 2014]). При этом сам этот образ, его место в поэзии Некрасова, содержание, которое вкладывал в него поэт, до сих пор не привлекали пристального внимания исследователей. Восполнить этот пробел и тем самым прояснить позицию автора в продолжающейся уже почти 130 лет и имеющей односторонний характер «дискуссии» о его стихах — задача настоящей работы.

Прежде всего нужно обратить внимание на то, что этот образ прошел у Некрасова непростую эволюцию. Карета с гвоздями впервые появляется в стихотворении «Карета». Приведем его текст полностью:

О филантропы русские! Бог с вами!
Вы непритворно любите народ,
А ездите с огромными гвоздями,
Чтобы впотьмах усталый пешеход
Или шалун мальчишка, кто случится,
Вскочивши на запятки, заплатил
Увечьем за желанье прокатиться
За вашим экипажем...

[Некрасов 2021: 422]

Стихотворение было написано в мае — начале июня 1855 г. и включено Некрасовым в первую редакцию цикла «На улице», однако судьба его существенно отличается от судьбы других произведений цикла.

Цикл «На улице» привлекал внимание исследователей (см.: [Гаркави 1980; Майорова 1983; Корман 1978]), однако в знании об истории его создания остается много пробелов. В частности, о времени создания большинства стихотворений цикла, о том, были написаны они первоначально как самостоятельные произведения или создавались как части задуманного цикла, практически ничего не известно (ни одно из них не печаталось вне цикла и до первой его публикации в собрании стихотворений Некрасова 1856 г., а указанная в конце жизни автором дата создания «1850» [Некрасов 2021: 627–628] не может считаться полностью достоверной [Макеев 2014]). Фактически только в случае «Кареты» можно с большой долей уверенности утверждать, что она была написана позже всех остальных стихотворений, входивших в первую редакцию «На улице», скорее всего задумывалась как самостоятельное произведение и была включена в состав цикла только после существенной доработки [Некрасов 2021: 654].

Войдя в цикл «На улице» позднее других стихотворений, «Карета» оставалась в его составе недолго. Фактически она была включена только в первую редакцию цикла, записанную в так называемой «Солдатенковской тетради» (РГБ. Ф. 195. К. 1. Ед. хр. 42), заведенной поэтом для подготовки «Стихотворений» 1856 г. Здесь цикл состоит из пяти текстов, расположенных в следующем порядке: 1. «Вор»; 2. «Вот идет солдат» (во всех прижизненных изданиях — «Гробок»); 3. «Извозчик» (во всех прижизненных изданиях — «Ванька»); 4. «Карета»; 5. «Проводы». Однако в книге в него вошло только три стихотворения: «Вор», «Проводы» и «Ванька». В том же составе цикл был напечатан в следующем издании «Стихотворений» (1861). Окончательный состав и порядок следования стихотворений установился в «Стихотворениях Н.А. Некрасова» 1863 г.: «Вор», «Проводы», «Гробок» и «Ванька». Таким образом, «Карета» — единственное стихотворение из редакции «Солдатенковской тетради», которое не вошло в окончательный состав цикла «На улице»¹. «Гробок», вызывавший у автора какие-то сомнения, все-таки в него был включен.

И история создания, и быстрое и окончательное исключение из состава цикла говорят, очевидно, о чужеродности стихотворения для «На улице». Описать эту чужеродность, кажется, просто. Отличают «Карету» от остальных стихотворений цикла, на первый взгляд, три характеристики. Во-первых, в ее тексте избылуют эле-

¹ Особенный случай представляет собой контрафактное берлинское издание стихотворений Некрасова 1862 г., степень авторизованности которого остается загадкой: здесь цикл напечатан в том же составе, что и в «Солдатенковской тетради», но с изменением порядка следования текстов: «Карета» включена в него под 5-м номером.

менты, рассчитанные на прямую эмоциональную реакцию — негодования и жалости (в то время как для других стихотворений цикла характерен внешне объективный, спокойно-описательный тон, за исключением стихотворения «Гробок»). Во-вторых, в ней практически (во всяком случае, на первый взгляд) отсутствует «сценический» элемент (в то время как все остальные стихотворения имеют характер подсмотренной «на улице» «сценки»). В-третьих, в «Карете» присутствует прямая дидактика, нравственный урок и обращенный к читателю призыв (в других стихотворениях цикла «мораль» скрыта, извлечь ее предлагается самому читателю). При внимательном рассмотрении, однако, оказывается, что перечисленных свойств недостаточно для того, чтобы увидеть в «Карете» текст, никак не вписывающийся в структуру цикла.

Первая названная нами особенность «Кареты», видимо, действительно смущала Некрасова. Это видно из вносившейся в ее текст правки, которую можно проследить, сравнивая основной текст стихотворения, с двумя его ранними редакциями. Автографы этих редакций находятся в Записной тетради №1 (РГБ Ф. 195. К. 3. Ед. хр. 12). Оба представляют собой текст, записанный карандашом на одном развороте напротив друг друга (Л. 68об. и 69). С абсолютной уверенностью их очередность установить невозможно, поэтому первой условно имеет смысл называть ту, в которой сделано больше исправлений. Приведем их целиком:

- 1) Хотелось бы и тем сказать словечко,
Которые [о бедном сожалеют] жалеют бедняков,
А ездят с заостренными гвоздями,
Чтобы впотьмах усталый пешеход
Или [бедняк, мальчишка шаловливый] шалун, оборванный
мальчишка,
Вскочивши на запятки, заплатил
Увечьем за желанье прокатиться
За их каретой... (Л. 68об)
- 2) Хотелось бы кой-что сказать и тем,
Которые о ближнем хло<почут>,
А ездят в экипаже, огражденном
Гвоздями сзади, чтоб старик усталый
Или шалун, оборванный мальчишка,
Впотьмах дерзнут забраться на запятки,
То поплатились бы увечьем<м>
За дерзость эту. (Л. 69)

Сравнение текста ранних редакций с текстом «Солдатенковской тетради» показывает, что одно из направлений переработки текста было связано именно с «приглушением» эмоций. Если гвозди из

«заостренных» превращаются в «огромные» и последствия невнимательности жертвы продолжают называться «увечьем» (все это сильные слова, вызывающие однозначные сильные эмоции), то потенциальная «жертва» меняется: если в первом случае это «усталый пешеход / Или шалун, оборванный мальчишка», во втором фигурирует тот же мальчишка, а усталого пешехода заменяет «старик усталый», то в основном тексте — просто «усталый пешеход» и «мальчишка», но уже только шалун, указание на бедность убирается. Таким образом, убираются те характеристики «жертвы» гвоздей, за которые ее нужно жалеть еще до того, как она получит «увечье», и эмоциональная палитра произведения становится более «спокойной».

Правка вносит и сценический элемент в текст. Обращает на себя внимание тот факт, что название «Карета» появилось только в тексте «Солдатенковской тетради», обе ранние редакции никак не озаглавлены, представляя собой лирический медитативный «фрагмент» или краткий обличительный монолог. С появлением названия жанровый характер текста меняется и стихотворение получает вид «сценки»: слово «карета», с которого теперь начинается стихотворение, как бы указывает на конкретный экипаж, увиденный лирическим героем (то есть выполняет ту функцию, которую в других стихотворениях цикла выполняют выражения типа «Вчера был поражен я сценой...» («Вор») «Вот идет солдат» («Гробок») или «Смешная сцена!» («Ванька»)). Упоминающиеся в тексте гвозди дополняют картину, выделяя ту деталь, которая бросилась в глаза, отличила эту карету от других экипажей и послужила поводом для взволнованного лирического высказывания.

Что касается дидактики, то ее неуместность в цикле «На улице» не очевидна. Не нужно забывать, что объективно-описательный характер цикла является все-таки результатом исключения стихотворения «Карета». Абсолютная однородность в этом отношении для некрасовских циклов не характерна: достаточно вспомнить, например, более поздние циклы «Песни» и «Ночлеги», также в основном состоящие из нейтрально-описательных стихотворений, однако завершающиеся «дидактическими» текстами, содержащими прямые авторские моральные суждения и призывы (ср.: «Господь! твори добро народу! / Благослови народный труд...» в «Песнях» или «Не беда, что люди голы, / Лишь бы стали поумней» в «Ночлегах»).

Причины исключения «Кареты» из цикла «На улице», таким образом, не связаны с тем, что стихотворение прямолинейно «бьет на жалость», не похоже на уличную «сценку» или слишком дидактично. Сравнение редакций «Кареты» показывает, что в ходе переработки менялся не только образ «жертвы», но и виновника, самого владельца злополучной кареты. В первой и второй редакциях он

относится к группе людей, которые «жалеют бедняков» (первоначально «о бедном сожалеют») или «о ближнем хлопочут». И та и другая характеристика выглядят очень неопределенно, неясно; в редакции «Солдатенковской тетради» Некрасов конкретизирует адресата своего гнева. Теперь это «филантропы», которые «непритворно любят народ». На слове «филантроп» следует остановиться подробнее, в том числе потому, что оно встречается в стихах Некрасова крайне редко: мы обнаруживаем его еще всего в двух произведениях («Над чем мы смеемся» и «Филантроп»), и в каждом оно имеет свое значение.

В стихотворении «Над чем мы смеемся» первая редакция которого, крайне сильно отличающаяся от основной, относится к 1860 г., слово «филантроп» употреблено в традиционном значении человека, занимающегося благотворительностью. Его иронически произносят отрицательные герои — эгоисты, подшучивающие над приятелем, бескорыстно помогающим ближнему. В стихотворении «Филантроп» (написано в 1853 г., однако напечатано только в феврале 1856 г., т. е. примерно тогда, когда Некрасов продолжал работать над своим собранием стихотворений, и «Каретой» в том числе) слово, вынесенное в название (и не встречающееся в самом тексте), употреблено в другом значении. Обращает на себя внимание, что главный герой (кто бы ни был его прототипом — Одоевский или Даль) проявляет заботу о бедных исключительно в области печати. Его забота о «мужике» заключается в том, что он пишет и издает дешевые научно-популярные книги для народа («О народном просвещении / Соревнуй, генерал / В популярном изложении / Восемь томов написал <...> Продавал в большом количестве / Их дешевле пятака»).

Какое из этих значений имеет слово «филантропы» в «Карете»? Для того, чтобы ответить на этот вопрос, нужно уточнить, в чем виноват владелец кареты с гвоздями. Слово «впотьмах», присутствующее во всех редакциях «Кареты», указывает на то, что речь идет не о жестокости, а о своего рода «легкомыслии». Гвозди служат не для того, чтобы ранить желающего бесплатно прокатиться на запятках чужого экипажа, а чтобы его «отпугнуть», не дать ему такой возможности. Однако такую функцию гвозди могут выполнить днем, когда они хорошо видны. «Впотьмах» они перестают быть заметны и могут стать «ловушкой» для нарушителя. Владелец кареты, любящий народ («ближнего»), очевидно, «в теории», не принимает во внимание те последствия, которые могут иметь его поступки в обстоятельствах реальной жизни.

Такое понимание человеческого свойства, стоящее за этим поступком, очевидно, находится в простом логическом противоречии

с филантропией как деятельным добром, основанном на «непритворной» любви к народу. В стихотворении «Карета», таким образом, под филантропами, несомненно, понимаются литераторы, пишущие о народе, подобные Его Сиятельству из стихотворения «Филантроп». Именно «красноречие» графа заставляет главного героя надеяться на его помощь, однако литератор-филантроп, вполне возможно, искренне («непритворно») сочувствующий бедным в своих книгах, оказывается не способен распознать подлинное горе в реальной жизни. Однако если бедный чиновник, герой «Филантропа», сознательно стремится встретиться с «его сиятельством», то откуда лирическому герою «Кареты» известно, что в замеченном им «на улице» экипаже едет литератор, пишущий про народ и для народа (если только он не знаком с ним лично)? Сюжет стихотворения либо «анекдотичен», либо искусственен, «придуман» для иллюстрации заранее выбранной морали и в этом, дурном, смысле стихотворение выглядит действительно чрезмерно дидактичным (подобно плохой басне) и потому непригодным не только для цикла «На улице», но и вообще для публикации.

Неудача, однако, не лишила в глазах поэта образ утыканной гвоздями кареты художественного потенциала и после существенной переработки Некрасов включил его в цикл «О погоде»²:

Мы довольно похвал расточали
И довольно сплели мы венков
Тем, которые нам рисовали
Любопытную жизнь бедняков.
Где ж плоды той работы полезной?
Увидав, как читатель иной
Льет над книгою слезы рекой,
Так и хочешь сказать: «Друг любезный!
Не сочувствуй ты горю людей,
Не читай ты гуманных книжонок,
Но не ставь за каретой гвоздей,
Чтоб, вскочив, накололся ребенок!» [Некрасов 2021: 227]

Основные изменения выглядят продолжением уже начавшейся правки в «Карете». Образы освобождаются от натужного драматизма: гвозди утратили гиперболизированный вид (стали просто гвоздями, не «заостренными» и не «огромными»). Последствия для их

² Кстати заметим, что публикация «Кареты» как самостоятельного текста представляется спорным решением. Возможно, точнее и последовательнее было бы печатать ее в разделе «Другие редакции и варианты» как ранний набросок фрагмента «Сумерек» (так, например, сделано в явно очень близком случае стихотворения «Над чем мы смеемся», в котором то, что публикуется как его «ранняя редакция», крайне отличается от «основного текста»).

жертвы также теряют трагическую окраску: словосочетание «заплатить увечьем», заменяется на глагол «наколосся». Изменен и образ потенциальной жертвы: исчез «усталый пешеход», а «мальчишка шалун» заменен просто «ребенком». Это объясняется, видимо, прежде всего содержанием главы, центральное место в которой занимают размышления о том, как нездоровая жизнь в городе нравственно калечит детей: образ кареты с гвоздями завершает этот разговор эффектной метафорой, символизирует раны, которые ребенку наносит Петербург. Из описания потенциальной травмы исчезло слово «впотьмах», однако глава, в которую включен данный фрагмент, озаглавлена «Сумерки», и поэтому темнота, скрывающая наличие гвоздей от желающего бесплатно прокатиться на запятках, подразумевается.

Важнейшее изменение, которое, на наш взгляд, и позволило дать образу новую жизнь, связано с владельцем кареты. В «Карете» виновником травмы, грозящей ребенку, был писатель, филантроп, «любящий народ», «хлопочущий о бедняках». В «Сумерках» его образ тоже присутствует: сразу после обрывающегося на словах «Жребий ваш...» монолога об участии городских детей, которая уже «ребенку известна», появляется рассуждение о писателях, «которые... рисовали любопытную жизнь бедняков» в «модной книге». Однако в качестве владельцев таких карет теперь выступают не они, а их читатели, которые читают «гуманные книжонки», проливая над ними «слезы рекой», и «сочувствуют горю людей».

Замена писателя на читателя избавляет эпизод от ощущения придуманности или случайности: для прогуливающегося и делающего уличные наблюдения человека намного естественнее предположить, что в карете с гвоздями ездит поклонник гуманной литературы, поскольку читателей не просто больше по определению, чем писателей, но их много именно у авторов-филантропов, которые пользуются особенной популярностью: «Мы довольно похвал рсточали / И довольно сплели мы венков...». Виновником страданий «ближнего» оказывается читатель, в то время как вина (или беда) литератора заключается в том, что он не смог воспитать в своих читателях деятельной, а не абстрактной гуманности.

Увидеть на улице писателя-«филантропа», едущего в карете с гвоздями, — значит столкнуться с курьезной, анекдотической сценкой, не избавленной от, как тогда выражались, «личности» (чего Некрасову не удалось избежать в случае «Филантропа» [Гин 1971]). Увидеть читателя «гуманных книжонок» в такой же ситуации — значит столкнуться с чем-то распространенным, типическим. Некрасов, работая над образом кареты с гвоздями на запятках, идет от курьеза к фундаментальной общественной проблеме, требуя от

читателя узнать себя во владельце или пассажире опасного экипажа и перейти от «слез» над трогательной книжкой к деятельному добру в реальной жизни. Читатель же (сначала в лице Фета, а затем многочисленных разоблачителей Некрасова) предпочел сосредоточиться на анекдоте, а не на типическом факте, увидеть во владельце кареты не себя, а самого поэта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Гаркави А.М.* Композиция стихотворных циклов Н.А. Некрасова // Жанр и композиция литературного произведения. Вып. V. Калининград, 1980. С. 37–50.
2. *Гин М.М.* От факта к образу и сюжету. М., 1971.
3. *Корман Б.О.* Лирика Некрасова. Ижевск, 1978.
4. *Майорова Т.В.* Своеобразие циклических структур в поэтической системе Некрасова («На улице» и «Песни») // Н.А. Некрасов и его время. Сб. научных трудов. Вып. VII. Калининград, 1983. С. 11–22.
5. *Макеев М.С.* Опыт реконструкции утраченных помет Н.А. Некрасова // Могут ли тексты лгать? К проблеме работы с недостоверными источниками. Таллинн, 2014. С. 134–163.
6. *Некрасов Н.А.* Полн. собр. стихотворений в 3 т. Т. 1. СПб., 2021.
7. *Некрасов Н.А.* Полн. собр. стихотворений в 3 т. Т. 2. СПб., 2022.
8. *Успенский Ф.Б.* Работы о языке и поэтике Осипа Манделштама: Соподчиненность порыва и текста. М., 2014.
9. *Фет А.А.* Мои воспоминания. Ч. I. М., 1890.
10. *Чуковский К.И.* Поэт и палач // Чуковский К.И. Некрасов. Статьи и материалы. Л., 1926. С. 5–60.

REFERENCES

1. Garkavi A.M. *Kompozicija stihotvornih ciklov N.A. Nekrasova* [Composition of N.A. Nekrasov's Poetry Cycles]. In: Zhanr i kompozicija literaturnogo proizvedenija [Genre and Composition of a Literary Work]. Issue V. Kaliningrad, 1980. Pp. 37–50.
2. Gin M.M. *Ot fakta k obrazu i szuzhetu* [From Fact to Image and Plot]. Moscow, 1971.
3. Korman B.O. *Lirika Nekrasova* [Nekrasov's Lyrics]. Izhevsk, 1978.
4. Mayorova T.V. *Svoeobrazie ciklicheskih struktur v pojeticheskoj sisteme Nekrasova («Na ulice» i «Pesni»)* [Specifics of Cyclic Structures in Nekrasov's Poetic System ("On the Street" and "Songs")]. In: N.A. Nekrasov i ego vremja. Sb. nauchnyh trudov. Vyp. VII. [N.A. Nekrasov and His Time. Collection of Papers].
5. Makeev M.S. *Opyt rekonstrukcii utrachennyh pomet N.A. Nekrasova* [An attempt to Reconstruct N.A. Nekrasov's Lost Sidenotes]. In: Mogut li teksty lgat'? K probleme raboty s nedostovernymi istochnikami. [Do Texts Tell Lies? On the Problem of Working with Unreliable Sources]. Tallinn, 2014. P. 134–163.
6. Nekrasov N.A. *Poln. sobr. stihotvorenij v 3 t.* [Complete collection of poems in 3 vol.] Vol. 1. St. Petersburg, 2021.
7. Nekrasov N.A. *Poln. sobr. stihotvorenij v 3 t.* [Complete collection of poems in 3 vol.] Vol. 2. St. Petersburg, 2022.
8. Uspensky F.B. *Raboty o jazyke i pojetike Osipa Mandel'shtama: Sopodchinennost' poryva i teksta.* [Works on the language and poetics of Osip Mandelstam: Subordination of impulse and text]. Moscow, 2014.
9. Foeth A.A. *Moi vospominanija.* Ch. I. [My memories. Part. I]. Moscow, 1890.

10. Chukovsky K.I. *Pojet i palach* [Poet and executioner]. In: Chukovsky K.I. Nekrasov. *Stat'i i materialy* [Nekrasov. Articles and materials]. Leningrad, 1926. P. 5–60.

Поступила в редакцию 01.06.2025

Принята к публикации 21.10.2025

Отредактирована 20.01.2026

Received 01.06.2025

Accepted 21.10.2025

Revised 20.01.2026

ОБ АВТОРАХ

Чжан Юйтин — аспирант кафедры истории русской литературы МГУ имени М.В. Ломоносова; yuting.mikhail@gmail.com

Михаил Сергеевич Makeev — д.ф.н., профессор кафедры истории русской литературы МГУ имени М.В. Ломоносова, ведущий научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук; mmakeev@icloud.com

ABOUT THE AUTHORS

Zhang Yuting — postgraduate student at the Department of History of Russian Literature at Lomonosov Moscow State University; yuting.mikhail@gmail.com

Mikhail S. Makeev — Doctor of Philology, Professor of the Department of History of Russian Literature at the Moscow State University, Leading Researcher at the Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences; mmakeev@icloud.com

ОБРАЗ РОГНЕДЫ В ИНТЕРПРЕТАЦИИ ДРАМАТУРГОВ XVIII ВЕКА

А.В. Семенова

*Казахстанский филиал Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова, Астана, Республика Казахстан;
anastasia_semenova@list.ru*

Аннотация: В статье предпринято сопоставление трагедий «Владимир и Ярополк» Я.Б. Княжнина, «Владимир Великий» Ф.П. Ключарева и «Идолопоклонники, или Горислава» М.М. Хераскова с целью выявить особенности авторской интерпретации образа полоцкой княжны Рогнеды и исторических свидетельств о ней. В преданиях о Рогнеде и текстах произведений персонаж обнаруживает схожие черты — гордость, верность долгу перед усопшими родными, страдания, порожденные противоречием обиды и любви. Гордый нрав полоцкой княжны становится причиной многих бед: Владимир, уязвленный резким отказом девушки, губит ее семью, разрушает родной город и берет ее в жены силой. Авторы трагедий вслед за историками обходят политические мотивы Владимира, перенося акцент на чувства князя — страсть и самолюбие. Горечь нанесенных обид обуславливает чувство долга перед усопшими родственниками и жажду мести — этот мотив прослеживается в исторических источниках и трагедиях — и толкает Рогнеду на преступление — подстрекательство к убийству Ярополка (у Княжнина) либо покушение на жизнь Владимира (у Ключарева и Хераскова). Вместе с тем Рогнеда глубоко несчастна, не находит успокоения в мести, а неприязнь к обидчику вступает в противоречие с любовью к нему же — Ярополку (изменил Рогнеде, но любим ею) и отчасти Владимиру (его княжна презирает, но готова стать женой и попробовать полюбить) у Княжнина и Владимиру (любимому мужу, но виновнику смерти родителей и братьев, опять же неверному) — у Хераскова. Сделан вывод о том, что исторический прототип героини определяет ее образ в трагедиях о Владимире и Рогнеде: полоцкая княжна является в схожих ипостасях — жертвы, мстительницы, преступницы и несчастной женщины.

Ключевые слова: Рогнеда; Владимир; трагедия; Ключарев; Княжнин; Херасков

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2026-49-01-11

Для цитирования: Семенова А.В. Образ Рогнеды в интерпретации драматургов XVIII века // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2026. № 1. С. 142–150.

THE IMAGE OF ROGNEDA IN THE INTERPRETATION OF THE 18th-CENTURY PLAYWRIGHTS

Anastasia V. Semenova

Kazakhstan branch of Lomonosov Moscow State University, Astana, Republic of Kazakhstan; anastasia_semenova@list.ru

Abstract: The article compares the tragedies “Vladimir and Yaropolk” by Ya.B. Knyazhnin, “Vladimir the Great” by F.P. Klyucharev and “Idolaters, or Gorislava” by M.M. Kheraskov in order to reveal the peculiarities of author’s interpretation of the image of Polotsk princess Rogneda and historical evidence about her. In the legends about Rogneda and in the texts of the works the character reveals similar features — pride, loyalty to duty to the deceased relatives, suffering caused by the contradiction of resentment and love. The proud temper of the Polotsk princess becomes the cause of many troubles: Vladimir, hurt by the maiden’s sharp refusal, ruins her family, destroys her hometown and takes her as his wife by force. The authors of tragedies, following the historians, bypass Vladimir’s political motives, transferring the emphasis on the prince’s feelings — passion and self-love. The bitterness of the offenses inflicted causes a sense of duty to deceased relatives and a thirst for revenge — this motif is traced in historical sources and tragedies — and pushes Rogneda to a crime: incitement to the murder of Yaropolk (in Knyazhnin’s case) or an attempt on Vladimir’s life (in Klyucharev’s and Kheraskov’s cases). At the same time, Rogneda is deeply unhappy and finds no solace in revenge, and her dislike for her offender clashes with her love for him — Yaropolk (who cheated on Rogneda but is loved by her) and partly Vladimir (whom the princess despises but is ready to become a wife and try to love) in Knyazhnin’s and Vladimir (her beloved husband but guilty of the death of her parents and brothers, again unfaithful) in Kheraskov’s. It is concluded that the historical prototype of the heroine determines her image in the tragedies about Vladimir and Rogneda: the Polotsk princess appears in similar hypostases — victim, avenger, criminal and unhappy woman.

Keywords: Rogneda; Vladimir; tragedy; Klyucharev; Knyazhnin; Kheraskov

For citation: Semenova A.V. (2026) The Image of Rogneda in the Interpretation of the 18th-Century Playwrights. *Lomonosov Philology Journal. Series 9.* no. 1, pp. 142–150.

Полоцкая княжна Рогнеда, или Горислава, — один из наиболее ярких и противоречивых женских характеров, упоминаемых в древнерусских хрониках и более поздних исторических сочинениях. Рогнеда отвечает требованиям к классицистическому трагическому персонажу: в ее судьбе были потеря близких родственников, навязанный брак, любовь и измены, преступление, угроза казни, изгнание... Рогнеда является действующим лицом трагедий «Владимир и Ярополк» Я.Б. Княжнина (1772, опубл. 1787), «Владимир Великий» Ф.П. Ключарева (1779) и «Идолопоклонники, или Горислава» (1782) М.М. Хераскова. Сопоставление текстов позволяет выявить особен-

ности интерпретации образа Рогнеды в близких по времени создания произведениях и установить, насколько персонаж в изображении драматургов походит на летописный прототип.

Исторические аспекты трагедий о Владимире и Рогнеде, в частности проблема трактовки образа и поступков полоцкой княжны, мало изучены. Драматическим произведениям Княжнина, в том числе «Владимиру и Ярополку», уделено внимание в диссертации Е.Н. Куницыной [Куницына 2004] и некоторых статьях, например В.В. Ткаченко [Ткаченко 2020: 112–121] и Е.А. Прокофьевой [Прокофьева 2019: 23–32]. Трагедии Ключарева и Хераскова практически не становились предметом глубокого исследования, произведения кратко охарактеризованы в работах, посвященных драматургии XVIII века либо творческому наследию авторов — таковы диссертация Л.М. Пастушенко [Пастушенко 1974] и статья А.В. Западава [Западов 1961: 5–56] о Хераскове, «Драматический словарь...» [Драматический словарь 1787] и «История русской драматургии. XVII — первая половина XIX века» [Стенник 1982: 58–99]. Специальное сравнение трагедий Княжнина, Ключарева и Хераскова, насколько нам известно, ранее не предпринималось.

В трагедии Княжнина рассказана история вражды братьев Владимира и Ярополка, приведшей к гибели последнего. Летописное предание (записи в «Повести временных лет даны под 980 годом») [Повесть временных лет 1767: 60–64] в драматическом произведении тесно переплетается с его литературным источником — «Андромахой» Расина. По замечанию Л.И. Кулаковой, «Княжнин сочетает сюжет расиновой “Андромахи” с летописным рассказом об убийстве князем Владимиром Святославичем брата Ярополка. Большинство сцен следует в порядке, намеченном Расином, многие явления переведены, Клеомена напоминает Андромаху, Рогнеда целиком повторяет Гермиону, Ярополк — Пирра, Владимир — Ореста...» [Кулакова 1947: 241]. Ключарев и Херасков обращаются к иному событию — покушению на Владимира княжны Рогнеды и ее последующему наказанию (соответствующие записи в исторических сочинениях относятся к 987–988 годам) [Ломоносов 1766: 105–106; Щербатов 1770: 257–258].

«Владимир Великий» и «Идолопоклонники...» обнаруживают заметное сходство: общий сюжет, почерпнутый из истории, аналогичное развитие событий, подобные персонажи, пересечение ключевых мотивов указывают на то, что Херасков, создавая трагедию вслед за Ключаревым, предлагал свою интерпретацию того же исторического эпизода. В отсутствие достаточных сведений о некоем литературном соревновании авторов отметим, что Ключарев и Херасков были членами московской масонской ложи, входили в одно

литературное общество, оба близко общались с Н.И. Новиковым, так что знакомство поэтов и интерес к творчеству друг друга были более чем вероятны. Напротив, Княжнин к московскому литературно-просветительскому кругу не принадлежал, его трагедия имеет конкретный литературный образец, связь с произведениями Ключарева и Хераскова обусловлена большей или меньшей опорой на летописные свидетельства о Владимире и Рогнеде и собственно самими героями.

Согласно свидетельствам исторических источников, полоцкая княжна отличалась непростым нравом — гордая, своенравная, амбициозная высокородная девица презрительно отвергла предложение Владимира, желая стать киевской княгиней, и отец прислушался ко мнению дочери: «И посла к Рогволду, Полоцкому князю, глаголя сице: хочу пояти дщерь твою женою себе. Он же рече дщери своей: хочещи ли за Володимера? Она же рече: не хочу розувати робичича; но за Ярополка хочу» [Повесть временных лет 1767: 6; Татищев 1773: 55–57; Киевский синопсис 1836: 44; Щербатов 1770: 241 и др.]. Высокомерие Рогнеды определило ее печальную судьбу: уязвленный Владимир разрушил Полоцк, погубил княжескую семью, лишь осиротевшую, теперь уже беззащитную Рогнеду взял в жены силой. Полоцкая княжна стала жертвой страсти, самолюбия и политических исканий Владимира, этот момент прослеживается в источниках и переходит на страницы трагедий о Владимире и Рогнеде. Развитие событий у Княжнина не соответствует истории, однако автор отмечает, что Рогнеда ненавидит Владимира за причиненные беды, и сам князь это понимает (Рогнеда, правда, помимо Владимира, винит еще и Ярополка):

Как, обгагреному ее дражайшей кровью,
Предстать мне ей и чем то сердце преклонить,
Которое я так свирепю мог разить?
Вот право: я ее породы истребитель!
Вот титло: я всего отечества губитель!
Влекомый фурией, а не любви рукой,
Любезной достигал кровавою рекой [Княжнин 1787: 106–107].

У Хераскова Владимир также признает, что исковеркал жизнь Рогнеды и счастье в браке с ней недостижимо:

Я скипетр приобрел и трон рукой кровавой;
Тогда именовал Рогнеду Гориславой,
Дабы жених ее, отец, и злополучный рок,
Рогнеды с именем твердиться ей не мог,
Я трон с ней разделил, но все то безуспешно,
Рогнеда под венцем рыдала безутешно... [Херасков 1786: 228–229]

Между тем как у Хераскова, так и у Ключарева Владимир перекладывает ответственность за лишения Рогнеды на нее саму, и если Владимир Хераскова обвиняет жену в унынии, охладившей его любовь, то князь в трагедии Ключарева прямо говорит, что гордыня полоцкой княжны стала причиной его поступков:

Тобою сродники, тобою твой престол,
От ярости моей низверглись в смертный дом...
Се гордости плоды! но что теперь творити?
Потщись свое ты мне усердие явити... [Ключарев 1787: 87]

Обида Рогнеды порождает месть — этот мотив обозначен в исторических сочинениях и становится одним из ключевых в трагедиях Княжнина, Ключарева и Хераскова, соответственно, мстительность — общая черта Рогнеды в произведениях. Согласно источнику, «сия Рогнеда, проименованная в супружестве Гориславой, по причине претерпевших ею несчастий, памятуя всегда, как была обругана во время пленения своего, убиение отца, матери и братьев, разорение своего отечества, и по сосланию ее на Лыбедь, подозревая и противу себя ненависть Владимирову, помышляла отмщение себе учинить...» [Щербатов 1770: 257]. Рогнеда во всех трагедиях припоминает Владимиру свои обиды, как и ее исторический прототип:

Не ты ль мою лил кровь свирепую рукою?
Не ты ли и отца и братьев растерзал?
Не тем ли к моему ты сердцу путь сыскал?
Тиран! лишь только я тебя воображаю,
От страха трепещу, от горести стоною [Княжнин 1787: 147–148].

У Ключарева находим почти то же, но со слов Владимира:

Смерть сродников своих отмщати ныне мыслит;
Супруга нежного своим злодеем числит... [Ключарев 1787: 86]

У Хераскова Горислава не видит для себя иного пути, кроме как вновь стать прежней Рогнедой и отомстить обидчику:

Отмщение мое всходяще до небес,
Есть мой всечасный стон и токи горьких слез... [Херасков 1786: 235].

Княжнинская Рогнеда, несмотря на плачевное положение, по-прежнему горда и к тому же обозлена, что, конечно, связано с ее литературным прообразом, но вместе с тем и на летописный прототип девушка вполне походит. Она мстит Владимиру разве что своей ненавистью, утрату близких оттесняет на второй план поруганное Ярополком достоинство княжны, отчего именно на старшего брата Владимира направлен гнев Рогнеды. У Хераскова и Ключарева находим Рогнеду более «позднюю» (с момента разрушения Полоцка проходит порядка восьми лет), принявшую свою участь,

полюбившую Владимира вопреки обстоятельствам их союза, но не мирящуюся с унижением и сохранившую остатки гордости. Необходимость вредить мужу во имя справедливости и долга перед погибшими родственниками причиняет Рогнеде боль.

Однако месть все же толкает Рогнеду на преступление. В трагедии Княжнина она подстрекает Владимира к убийству Ярополка и готова сама нанести роковой удар, что не имеет отношения к истории — в данном случае перелagается сюжет Расиновой «Андромахи». Напротив, Ключарев и Херасков обращаются к упомянутому в источниках покушению Рогнеды и довольно точно воспроизводят событие. В сочинении Щербатова находим такой фрагмент: «И как некогда Владимир пришед к ней заснул, тогда она мня найти к намерению своему удобное время, взяв нож, хотела его зарезать; но пробудившийся в самое то время Владимир рукою смертоносное оружие отвратил» [Щербатов 1770: 257–258]. У Хераскова Горислава намеревается, но не решается нанести удар, хотя Владимиру для обвинения достаточно кинжала в ее руке. У Ключарева Рогнеда пытается убить мужа — безуспешно. Княжнинская Рогнеда вполне решительна, ей не требуются дополнительные аргументы для совершения мести; героиню трагедий Ключарева и Хераскова стать преступницей побуждают антагонисты Владимира — Студ и Золиба, имеющие свои мотивы избавиться от князя.

Как в исторических источниках, так и в трагедиях XVIII века Рогнеда предстает несчастной женщиной, лишенной любви, переживающей тяжелый внутренний конфликт. Рогнеду Княжнина ради гречанки предает Ярополк, презираемый же Владимир после убийства брата несколько охладевает к Рогнеде. Та же участь постигает княгиню у Ключарева и Хераскова: страсть Владимира сменяется разочарованием в супруге (у Ключарева) или раздражением, а затем и гневом (у Хераскова). Саму Рогнеду гнетут противоречивые чувства: обида и унижение, жажда мести спорят с любовью, не оставляя в душе героини места для счастья и покоя. Княжнинская Рогнеда готова стать женой ненавистного Владимира; хочет смерти Ярополка, хотя не может справиться с любовью к нему; понимает, что мщение не будет в радость:

Я слышу, мне любовь, мне жалость вопиет:
Постой, свирепая! к чему ты приступаешь,
И радостей каких от мщения ты чаешь? [Княжнин 1787: 171]

У Ключарева и Хераскова Рогнеда страдает, оттого что Владимир, лишив ее семьи и родины, оставил и без любви:

Всечасно грудь мою жестока грусть томит,
Ни что уже меня надеждою не льстит.

Тогда лишь жизнь моя престанет быть несчастна,
Когда Владимира узрю мной паки страдна,
И будет варваркой своей прельщаться он,
Тогда в груди моей исчезнет тяжкий стон! [Ключарев 1787:
123–124]

Родителей, престол, граждан я позабыла,
Сильнейшая печаль печаль сию убила;
Коль плачу я о чем, так плачу я стена,
Что более уже не любишь ты меня... [Херасков 1786: 247]

Рогнеда в трагедиях XVIII века явлена в разные периоды жизни: во «Владимире и Ярополке» девушка пребывает в зависимом положении, но пока не вступила в брак с Владимиром и может ставить ему условия (снова оговорим, что об исторической достоверности речь не идет); у Ключарева и Хераскова Рогнеда-Горислава, будучи киевской княгиней, терпит пренебрежение супруга и опасается окончательно утратить его расположение после готовящегося союза с византийской принцессой. Ситуацию усугубляет попытка убийства Владимира, его гнев и едва не состоявшаяся казнь княгини, от которой ее спасает вмешательство малолетнего сына. Княжнин, очевидно, берет из исторических источников сведения о разорении Полоцка и мотив ненависти Рогнеды к Владимиру из-за убийства родных. Героиня, списанная с Расиновой Гермiony, одновременно походит и на исторический прототип гордой полоцкой княжны, презревшей Владимира. Ключарев и Херасков в полной мере опираются на свидетельства исторических источников, сравнительно вольно интерпретируют их, дополняют подробностями, «оживляют» события X века, создавая образ героини, воплощая в трагедиях перипетии ее жизни. Сюжеты произведений значительно выходят за рамки преданий о полоцкой княжне, однако в исторических источниках и рассматриваемых текстах Рогнеда явлена в схожих ипостасях — жертвы, мстительницы, преступницы и несчастной, нелюбимой женщины. Исторический прототип Рогнеды задает характер литературного персонажа; расходясь в деталях, авторы произведений совпадают в видении образа героини.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Драматический словарь, или Показания по алфавиту всех российских театральных сочинений и переводов, с означением имен известных сочинителей, переводчиков и слагателей музыки, которые когда были представлены на театрах, а где, и в которое время напечатаны. В пользу любящих театральныя представления. СПб., 1787.
2. Западов А.В. Творчество Хераскова // Херасков М.М. Избранные произведения / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. А.В. Западова. Л., 1961. С. 5–56.
3. Киевский синопсис. Киев, 1836.

4. *Ключарев Ф.П.* Владимир Великий // Российский Феатр, или Полное собрание всех российских театральных сочинений. Т. 6. СПб., 1787. С. 81–144.
5. *Княжнин Я.Б.* Владимир и Ярополк // Княжнин Я. Собрание сочинений. Т. II. СПб., 1787. С. 95–181.
6. *Кулакова Л.И.* Княжнин // История русской литературы: В 10 т. / АН СССР. М.; Л., 1941–1956. Т. IV: Литература XVIII века. Ч. 2. 1947. С. 227–249.
7. *Куницына Е.Н.* Дискурс свободы в русской трагедии последней трети XVIII — начала XIX в. Дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2004.
8. *Ломоносов М.В.* Древняя Российская история. Ч. 1–2. СПб, 1766. С. 105–106.
9. *Пастушенко Л.М.* Драматургия М.М. Хераскова. Дис. ... канд. филол. наук. Л., 1974.
10. Повесть временных лет // Русская летопись по Никонову списку. Ч. 1. Предисл. Августа Шлецера. СПб., 1767.
11. *Прокофьева Е.А.* Мифопоэтика тираноборчества в исторической драматургии Я.Б. Княжнина // Проблемы изучения русской литературы XVIII века. 2019. С. 23–32.
12. *Стенник Ю.В.* Драматургия русского классицизма. Трагедия // История русской драматургии. XVII — первая половина XIX века. Л., 1982. С. 58–99.
13. *Татищев В.Н.* История российская с самых древнейших времен. Т. 2. М., 1773.
14. *Ткаченко В.В.* «Как деяния должны были совершаться»: идея исправления истории в русской литературе XVIII в // Память и идентичность—II. Кто пишет историю: особенности формирования исторического нарратива. М., 2020. С. 112–121.
15. *Херасков М.М.* Идолополконники, или Горислава // Российский Феатр, или Полное собрание всех российских театральных сочинений. Т. 4. СПб., 1786. С. 223–303.
16. *Щербатов М.М.* История Российская от древнейших времен. Т. 1–7. СПб, 1770–1791. Т. 1.

REFERENCES

1. *Dramaticcheskij slovar', ili Pokazanija po alfavitu vseh rossijskikh teatral'nyh sochinenij i perevodov, s oznacheniem imen izvestnyh sochinitelej, perevodchikov i slagatelej muzyki, kotoryja kogda byli predstavleny na teatrah, a gde, i v kotoroe vremja napechatany. V pol'zu ljubjashhih teatral'nyja predstavlenija* [Dramatic dictionary, or an alphabetical account of all Russian theatrical works and translations, with the names of famous composers, translators and composers of music, when they were presented at the theaters, and where and at what time they were printed. For the benefit of those who love theatrical performances]. Saint Petersburg, 1787. 166 p. (In Russ.)
2. *Zapadov A.V. Tvorchestvo Heraskova* [Kheraskov' Work]. In: Kheraskov M.M. *Izbrannye proizvedenija*. [Selected Works]. Leningrad, *Sovetskij pisatel Publ.*, 1961, pp. 5–56. (In Russ.)
3. *Kievskij sinopsis* [Kiev synopsis]. Kiev: *Tipografiya Kievopecherskoi Lavry*, 1836, 233 p. (In Russ.)
4. *Kljucharev F.P. Vladimir Velikij* [Vladimir the Great]. In: *Rossijskij Featr, ili Polnoe sobranie vseh rossijskikh teatral'nyh sochinenij*. Vol. 6. Saint Petersburg, 1787, pp. 81–144. (In Russ.)
5. *Knjazhnin Ja.B. Vladimir i Jaropolk*. In: *Knjazhnin Ja. Sobranie sochinenij*. Vol. II. Saint Petersburg, 1787, pp. 95–181. (In Russ.)

6. Kulakova L.I. *Knjazhnin* [Knjazhnin]. In: Istorija ruskoj literatury: 10 vols. Vol. IV: Literatura XVIII veka. Part 2. Moscow, Leningrad, *Academy of Sciences Publ.*, 1947, pp. 227–249. (In Russ.)
7. Kunicyna E.N. *Diskurs svobody v ruskoj tragedii poslednej treti XVIII – nachala XIX v. Dis. ... kand. filol. nauk* [Discourse of freedom in Russian tragedy of the last third of the XVIII-beginning of the XIX c. Dissertation. ... Candidate of Philology]. Ekaterinburg, 2004. 153 p. (In Russ.)
8. Lomonosov M.V. *Drevnjaja Rossijskaja istorija* [The Ancient Russian History]. Parts 1–2. Saint Petersburg, 1766. 140 p. (In Russ.)
9. Pastushenko L.M. *Dramaturgija M.M. Kheraskova* [M.M. Kheraskov' Dramaturgy]. Dis. ... kand. filol. nauk. [Dissertation. ... Candidate in Philology]. Leningrad, 1974. 118 p. (In Russ.)
10. *Povest' vremennyh let* [The Tale of Bygone years]. *Russkaja letopis' po Nikonovu spisku*. Ch. 1. Saint Petersburg, *Imperatorskaja Akademija nauk Publ.*, 1767. 198 p. (In Russ.)
11. Prokof'eva E.A. *Mifopojetika tiranoborcestva v istoricheskoj dramaturgii Ja.B. Knjazhnina* [Mythopoeitics of tyrannicide in the historical dramaturgy of Ya.B. Knyazhnin]. In: Problemy izuchenija ruskoj literatury XVIII veka. 2019, pp. 23–32. (In Russ.)
12. Stennik Ju.V. *Dramaturgija russkogo klassicizma. Tragedija*. [Dramaturgy of Russian Classicism. Tragedy] In: Istorija ruskoj dramaturgii. XVII — pervaja polovina XIX veka [History of Russian Dramaturgy. XVII — the first half of the XIX century]. Leningrad, *Nauka Publ.*, 1982, pp. 58–99. (In Russ.)
13. Tishchev V.N. *Istorija rossijskaja s samyh drevnejshih vremen* [Russian History from the Most Ancient Times]. Vol. 2. Moscow, 1773. 536 p. (In Russ.)
14. Tkachenko V.V. «Kak dejanija dolzhny byli sovschat'sja»: ideja ispravlenija istorii v ruskoj literature XVIII v. [“How Deeds Should Have Been Done”: The Idea of Correcting History in Russian Literature of the 18th Century]. In: Pamjat' i identichnost'—II. Kto pishet istoriju: osobennosti formirovanija istoricheskogo narrativa. Moscow, 2020, pp. 112–121. (In Russ.)
15. Heraskov M.M. *Idolopolkonniki, ili Gorislava* [Idolaters, or Gorislava]. *Rossijskij Featr, ili Polnoe sobranie vseh rossijskih teatral'nyh sochinenij*. Vol. 4. Saint Petersburg, *Imp. Akad. Nauk Publ.*, 1786, pp. 223–303. (In Russ.)
16. Shherbatov M.M. *Istoriia Rossijskaia ot drevneishikh vremen: [v 7 t.]* [A Russian History from the Old Time: in 7 vols.]. Vol. 1. Saint Petersburg, *Imperial Academy of Sciences Publ.*, 1770. 325 (398) p. (In Russ.)

Поступила в редакцию 05.07.2025

Принята к публикации 21.10.2025

Отредактирована 22.01.2026

Received 05.07.2025

Accepted 21.10.2025

Revised 22.01.2026

ОБ АВТОРЕ

Анастасия Владимировна Семенова — к.ф.н., доцент кафедры филологии, Казахстанский филиал МГУ имени М.В. Ломоносова; anastasia_semenova@list.ru

ABOUT THE AUTHOR

Anastasia V. Semenova — PhD, Associate Professor, Department of Philology, Kazakhstan branch of Lomonosov Moscow State University; anastasia_semenova@list.ru